

Наталья Пащенко

Птичка в клетке

Николай Карильский
часть 2

Наталия Пащенко

Птичка в клетке

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Пащенко Н. В.

Птичка в клетке / Н. В. Пащенко — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Эта книга стала увлекательным продолжением приключений Николая Карильского, раскрывшего тайну немзыкальной шкатулки. В этой части жаждущий тихой и спокойной жизни сэра Карильский приобретает дом за городом для того, чтобы скрыться подальше от суеты. Но, вовлеченный в тонкую политическую игру, не только покидает родной город, но и Англию. Николаю предстоит пересечь Атлантику, открыть для себя Новый Свет, Мексику, Британскую Гвиану, а также познакомиться с историей индейцев, пиратства и рабства. Воды Карибского моря закружат сэра Карильского в приключениях и опасностях.

Птичка в клетке

Николай открыл глаза после тяжелого сна. Он лежал на мягкой перине под балдахином в спальне своего нового загородного дома. Над его лицом склонился человек в белом халате, этот странный господин водил перед глазами Николая каким-то серебристым предметом. Мадам Фирс – экономка, стоявшая неподалеку, – с облегчением выдохнула:

– Слава Богу, он очнулся.

Карильский хотел приподнять голову и взглянуть на мадам, но свет, лившийся из высоких окон спальни, резал ему глаза, а голова оказалась настолько тяжелой, что Николай поморщился от боли в шее и, не шелохнувшись, остался лежать неподвижным. Ему казалось, что лицо доктора искрилось и мерцало в лучах солнечного света. Терпеть резь в глазах было невыносимо, и Николай снова закрыл их. Он погрузился в сон, напоминающий бред или навязчивый кошмар, не покидавший его уже очень долгое время. Во сне он видел снова и снова губернатора Британской Гвианы и его слугу мулата, порт Джорджтаун, паром «SantaNata», стоявший на рейде, рабов в кандалах и темнокожего аббата, а также пальмы Южной Америки.

Спустя некоторое время он открыл глаза снова. На этот раз в комнате царил мрак, за окнами чернела ночь, и, судя по звукам, доносившимся снаружи, лил сильнейший дождь. В темноте глаза Николая ничего не различали. Каждый удар капель в окна, казалось, разрывал ему мозг, сердце билось учащенно, и жутко хотелось пить. Он постарался встать с кровати, но его качнуло в сторону, и он почти упал на пол. Вокруг всё кружилось, летело, а главное – оглушительно звенело и трещало. Что происходит, он не понимал, может, это землетрясение или он тонет в собственном доме, как на корабле? Скатившись на пол с кровати и стоя теперь на четвереньках, он нащупал край перины и хотел подняться, но боль во всем теле не давала ему сделать и малейшего движения. Хозяин дома хотел позвать на помощь, но пересохшие губы не хотели разлепляться, и он издал только невнятное мычание, как будто его тело было теперь ему не подвластно. Этот стон, казалось, пронзил его грудную клетку болью. Николай чуть ли не плакал от собственной беспомощности. Он сделал еще одну попытку встать, но свалился, задев при этом ночной столик с графином воды, стоявший у кровати. Хрустальный сосуд в темноте качнулся и упал на пол, разлетевшись на мелкие осколки, вода растеклась по ковру, и под непослушными ладонями Николая зашлепала внушительная лужа. На грохот, доносившийся из комнаты хозяина, прибежала служанка – немка Хельга. В руках она держала газовую лампу. Увидев на полу спальни хозяина, девушка громко закричала. На ее крик в комнату вбежал доктор.

Он снова склонился над Николаем и в свете лампы заглянул в его глаза. После, поставив лампу на пол, помог встать хозяину дома. Было ясно, что без помощи Карильский подняться бы не смог. Его ноги разъезжались, как у новорожденного жеребенка. Усадив Николая на кровать, доктор попросил служанку принести воды, а сам начал мерить пульс больному. Уже через минуту из принесенного Хельгой графина Карильскому налили стакан прохладной воды. Он хотел взять его в руки, но стакан выскользнул из непослушных пальцев. Доктор помог Николаю напиться, а после уложил его обратно в постель. Каждое движение казалось Николаю пыткой, он ничего не мог сделать самостоятельно. Его вертели как большую и неудобную куклу. Мысли, как и движения, давались ему не без труда. Он думал так: «Это доктор», «это мадам Фирс», «это вода». К Николаю снова пришел сон, но теперь ему снились пираты, драгоценности, маман, справляющаяся о его здоровье после премьеры в театре, где Николай в первый раз увидел девушку в голубом платье, ставшую его первой любовью.

Элизабет или Лизонька, так на русский манер называл юную актрису молодой Николай, была не только талантливой и чувственной, она обладала неземной красотой. Бог щедро одарил ее женскими прелестями, тонким музыкальным слухом и нежным голосом. Весь этот

набор удивительных качеств должен был сослужить девушке прекрасную службу. Но! Ей не повезло играть в одном театре с Агнесой Карильской. Не молодая, но известнейшая прима всех европейских подмостков и так недолго любила молоденьких конкуренток приходивших в театр. Елизавету же царица лондонской сцены возненавидела за ее прелести, а узнав о том, что ее дорогой сын, милый мальчик, наивное дитя – Николай увлечен не на шутку «певичкой с бульвара», нимфа сцены приложила все усилия для того, что бы молодые люди прекратили встречаться. И на этом закончились ухаживания Николая, карьера Лизы и мечты о совместном счастье молодых людей.

Утром снова он открыл глаза, у кровати стоял доктор.

– Сэр, как вы себя чувствуете? – обратился человек в белом к Николаю, снова приступая к измерению пульса больного.

– Задерните шторы, – простонал тихо Карильский. Его глаза начали слезиться от неяркого света, попадавшего в комнату в пасмурный день.

– Хорошо, сэр, – ответил доктор и зашторил окно. – У вас болит голова? – продолжил он опрос больного. Николай слегка кивнул. – Что еще у вас болит, сэр? – настойчиво допытывался доктор.

– Всё болит, даже пальцы на ногах, – прошептал больной.

– Вы поправляетесь, – несмотря на ужасное состояние подопечного уверенно констатировал доктор. – Сегодня я проведу с вами весь день. Не волнуйтесь, всё будет в порядке.

Николай хотел спросить, что с ним, чем он болен и сколько это еще продлится, но не смог. Очень уж сложно ему было издавать какие-либо звуки. Обессиленный Карильский закрыл глаза, но не заснул, он, наконец, не провалился в царство Морфея, а начал вспоминать. Сначала отрывками, эпизодами, а позже смог восстановить и всю картину произошедшего.

Нет! Он не терял память! Николай мог поклясться в этом, его голова была похожа на шляпу фокусника, из которой выпрыгивает кролик как только с волшебного головного убора сдергивают черный платок. Почему-то именно такое сравнение предпочел больной.

– Моя голова это шляпа, а память это кролик, – думал с закрытыми глазами Николай. Кролик всё время находится в шляпе, его никто оттуда не вынимает, просто увидеть его можно только тогда, когда убирают черный платочек. Что служило платочком в его случае, Николай не знал, но пока это было и неважно, теперь, лежа в своей постели, он прокручивал воспоминания прошлых двух месяцев в своей голове.

Все началось с приезда Йозефа Брунштейна в новый дом Николая. Как раз в тот день, когда хозяин всецело посвятил себя устройению новой библиотеки. Старинные книги из дома на набережной были аккуратно вывезены и доставлены в дом без адреса. Его называли домом в парке или парковым домом. Он находился на выезде из Лондона, и именно поэтому Николай его приобрел. Чудесные виды из окон, свежий воздух, никакой суеты. И возможность отстраниться от придворного этикета, который некстати с каждым годом становился все жестче и жестче. Теперь для того чтобы принять гостей или самому съездить к кому-либо в гости, следовало соблюсти такое количество нюансов, что голова шла кругом. В моду вводились визитные карточки, без которых невозможно было посетить ни один приличный дом. Время, в которое гость появлялся у знакомых или друзей, говорило любопытной публике о том, в каких он отношениях с хозяевами. Заходить в дом со шляпой в руках и оставаться дольше, чем на двадцать минут, считалось дурным тоном. Положить головной убор на кресло – оскорбительным жестом для гостеприимных хозяев, а также еще миллионы мелочей, вникать в которые Николай не желал.

– Это всё для молодежи, – говорил он себе, – балы, маскарады, двор и светские учтивости. Мне это уже не нужно, а если и понадобится, то Лидия научит.

Одним словом, Николай сбежал от новых норм этикета, вводимых молодой и энергичной королевой Британии – Викторией.

В момент, когда Матэо принес Николаю визитную карточку, Карильский стоял на ступеньках, ведущих на второй этаж в библиотеку, и наблюдал за тем, как слуги заносят книги в дом из открытых входных дверей. Проходящий мимо хозяина с перевязанной стопкой книг Матэо протянул ему визитку темно-синего цвета. Николай, не ожидавший этого жеста, как всегда вспыллил:

– Матэо! Ну не сейчас же! Подожди, пожалуйста! Я занят! – нервничая и злясь сказал Карильский!

Матэо был и сам не рад тому, что пришлось отвлекать хозяина в столь ответственный момент, но дело отлагательств не требовало. Перед центральным входом нового дома стояла карета Йозефа Брунштейна, который немедленно требовал доложить хозяину о его визите. На предложение Матэо зайти в дом самому, гость отмахнулся, ответив, что у него чрезвычайно мало времени. И только потому, что слуга точно был уверен в реакции Николая, он взялся беспокоить хозяина в ответственный момент переезда. Появление Брунштейна всегда радовало хозяина. Матэо, держа в одной руке связку книг, а во второй визитку, протянул ее хозяину снова. Николай был недоволен, но визитку взял, прочел имя, значившееся на ней, и улыбнулся. Он сбежал вниз по лестнице, перепрыгивая через три ступеньки, чтобы как можно быстрее встретить долгожданного гостя. Пока Карильский торопился, в его голове мелькнула мысль о том, что все-таки нужно сначала слушать, а потом только сердиться. Но пока Николай только задумывался над своим поведением, на этом работа над своими недостатками заканчивалась. Он выскочил как пуля на центральные ступени перед домом и остановился, восклицая:

– О! Сэр! Как я рад вас снова видеть! Неужели дела так сильно держат вас, что вы не можете мне даже ответить на приглашение?! – И Николай раскинул руки для объятий, явно не соблюдая современный этикет, который предписывал мужчинам только рукопожатие, да и то, крепко держать собеседника за руку стало признаком дурного тона, не говоря о том, чтобы хорошенько встряхнуть ладонь старого приятеля.

– Я как раз за этим и жду вас, сэр! – улыбался в ответ Брунштейн, разводя свои руки в стороны. Йозеф, по-видимому, так же был рад тому, что может подалее от назойливых светских глаз вести себя так, как хочется, а не так, как диктует современная чопорная мода.

– Вы правы, сэр, времени у меня не слишком много. За последние три месяца, возможно, это единственные свободные минуты. Но, как видите, я тороплюсь провести их с вами.

– Я польщен! – воскликнул Николай. – Давайте же пройдем в дом! Неужели вам не хочется взглянуть на мое новое приобретение изнутри? – спросил Николай, как только щедрые объятия и рукопожатия закончились.

– Я обязательно взгляну на него, но не сейчас, надеюсь, дорогой мой друг, ваше предложение на сегодняшний вечер осталось в силе?

– Естественно, но я думал, вы не прочли письмо, ведь вы так заняты в последнее время и постоянно отсутствуете.

– Нет, напротив, я их все прочел, только сегодня днем, все восемь. Открою вам секрет, я только прибыл в Лондон. И сразу направился в ваш дом.

– Сегодня в семь вечера прошу вас, Йозеф, приходите. Буду рад вас видеть, нас ожидает ужин, оговорюсь – у меня новый повар – француз. Как обычно лучшее вино и мое новое приобретение – карамболь. Сложнейший из бильярдov. Надеюсь, сэр, я вас заинтересовал?

– О да! Конечно! – воскликнул Брунштейн. – Вашим обществом, поваром, ужином – да, а вот к игре я равнодушен, простите. Хотя хотелось бы взглянуть на шары и оценить материал. Очень интересно, из чего вам их сделали. Ведь лучшая кость есть только у меня.

– Что ж, вы, сэр, как всегда правы. И если вы посчитаете необходимым, я закажу у вас весь комплект.

– Только для вас, только для вас я снова возьмусь за это дело, – улыбнулся Йозеф.

– Мне приятно это слышать, но неужели вы больше не занимаетесь резьбой по кости для широкой публики? Вы так боялись оставить своих клиентов, а теперь и слышать не желаете о работе. На что вы променяли любимое дело? Как я помню, совершить кругосветное путешествие вы со мной отказались именно по этой причине.

– Да, да, дорогой Николай, у вас хорошая память, – усмехнулся Йозеф, – но я нашел кое-что получше. Дождитесь вечера и всё узнаете. Надеюсь, мы будем одни?

– Нет, к сожалению, так как вы не отвечали сразу, я пригласил одного рьяного любителя игры в бильярд.

– Кого же? – задумчиво и немного помрачнев спросил Брунштейн.

– Это Август-Фредерик Штальский. Вы должны его знать, видимо, он когда-то был вашим клиентом. Могу об этом судить из того, что Август о вас прекрасно отзывается.

– Я вам скажу даже больше, не только клиентом, но теперь и деловым партнером, – услышав фамилию Штальский, Йозеф снова повеселел.

– Вы меня удивляете, когда вы успели?

– Это вы меня удивляете: как за эти три месяца, вы не решились продать хотя бы один камешек.

– А откуда вам известно, что я ничего не успел продать?

– Эх, Николай я, просто, очень прозорлив, – ушел от ответа Йозеф.

– Да, закрутился. Сначала с Лидией, после с покупкой паркового дома. Вот видите, сколько камешков я приобрел, – и с этими словами Карильский обвел рукой свой новый особняк. – Кстати, скажу вам, – продолжил он, – что три месяца – это не так уж много, а вот перевезти библиотеку – целое дело. Переезд это вообще какие-то авгиевы конюшни. Есть начало, но конца не видно.

– Николай, – сказал Йозеф немного посерьезнев, – мне пора, идите к своим конюшням, я не буду вас больше отвлекать, надеюсь, ничего не переменится до сегодняшнего вечера.

И пожав крепко руку Карильскому, сел в карету.

Николай проводил друга взглядом и обернулся лицом к своему новому дому. Именно о таком скрытом от посторонних глаз особняке он мечтал в последние годы. Огромный парк, пруд, аккуратные дорожки, садовник и просторные конюшни. Николай вошел в дом. На первом этаже сутились мадам Фирс и окончательно оглохший Жак. Матэо раскатывал ковер по ширине всего холла, несколько слуг, оставшиеся в доме от прошлого хозяина, мистера Кляйна, немецкого барона, носили вещи на второй этаж, даже садовник, старый одноглазый немец, что-то перетаскивал из угла в угол. Бродяги и след простыл с того момента, как только его спустили с поводка в парке, теперь он охотился на жирных уток в саду, загоня их время от времени в старый пруд.

– Вот вернется Лидия из пансиона, – подумал Николай, – а у нас дом, как она и хотела.

Еще два месяца назад Лидию отправили в лучшую частную школу Англии, как раз после зимних праздников. Это было рождественским подарком ей, но девочка очень расстроилась. Она думала, что только со следующего учебного года приступит к обучению в школе. Но педагоги Лидии настаивали на том, чтобы леди Карильская как можно быстрее отправилась в пансион. Ей сумели бы дать любые знания и дома, но вот религиозное воспитание девочка могла получить в полной мере только в хорошей частной школе. Сама же Лидия называла этот отъезд ссылкой и писала слезные письма Николаю, чтобы он сжалился над ней и прекратил мучить. Из ее писем можно было сделать один вывод: в школе работают не учителя, а инквизиторы.

Лидия же в свою очередь на Рождество сочинила шутивную песенку для Николая, в которой пелось о птичке, изображенной на его фамильном гербе, вылетевшей из клетки и не знающей, как распорядиться своей свободой.

– Возможно, – пела Лидия, – птичке лучше вернуться обратно?

Ровно семь раз пробили старинные часы шейха, стоявшие в светло-зеленой гостиной, окрашенной как будто специально под цвет часов. И к дому подъехал первый экипаж, принадлежавший Йозефу Брунштейну, сразу же за ним во двор въехал второй экипаж, принадлежавший Августу-Фредерику Штальскому. Гости еще у карет обменялись рукопожатием и приветствиями, но именно такими, каких требовал дворцовый этикет: жеманными и церемонными. Николай наблюдал это из окна круглого зала, расположенного на втором этаже, где был накрыт ужин на три персоны. Гостеприимный хозяин поспешил к входной двери, чтобы встретить гостей. Когда он спустился, Матэо уже брал у гостей трости и цилиндры. Глухой Жак, не слышавший, как подъехали кареты, вошел в комнату только после хозяина, по чистой случайности. Николай подумал, что пора бы старику на покой. Но решил отложить решение этого вопроса до утра. Карильский приветствовал гостей и пригласил их наверх. Ужин был роскошным, вино превосходным, две молоденькие служанки-немки, одна приятнее другой, подносили новые и новые блюда, но разговор о делах не заходил. Николай догадывался, что обсуждаться должно что-то серьезное. Поэтому он не торопил своих гостей, по крайней мере, старался вести непринужденную светскую беседу.

– Господа, хочу заметить, – весело сказал Брунштейн, – что если я так буду ужинать каждый вечер, уже очень скоро не смогу носить новомодные туалеты!

С этими словами Йозеф положил жирный кусок осетрины в белом соусе себе на тарелку: – Bravo, Николай, у вас действительно прекрасный повар, вы несколько не преувеличивали!

– О да! – подтвердил Штальский. – могу судить по себе, если бы мода на высокие талии пришла лет двадцать тому назад, я бы радовался больше.

– А эти высокие шейные платки, господа! Ну, какие платки, спрашиваю я вас? – Йозеф смеялся, он был коренастым мужчиной, и шеи у него не было даже двадцать лет назад, поэтому современная мода явно не скрывала его недостатков, а наоборот подчеркивала их.

– А зауженный рукав! Это как же вы прикажете сидеть в седле? Я в таком виде и рук-то не сведу, чтобы взяться за поводья, – вторил Йозефу Август-Фредерик, и все рассмеялись.

Карильский наблюдал за болтовней двух гостей и ему казалось, будто они что-то и хотели бы обсудить, но пока для этого разговора не пришло время.

– Вот вы, сэр, – обратился Штальский к Николаю, – сбежали от города и прячетесь здесь, а вот если бы вам пришлось посещать балы, к примеру, вы бы устали только от тех тем, что ныне обсуждают: «Ах, мадам Адамс в плохо затянутом корсете»; «Ах, у лорда Кемингена слишком тонкие лодыжки в этих штанах»; «Ах, миссис Уилкинсон присела на стул не напротив мужа, а ее муж ехал по ходу движения кареты, а не против него». Тьфу, – выругался Штальский. Дамы еле дышат в этих корсетах, а врачи, кстати, настаивают, вопреки всякому здравому смыслу, на том, что ношение этих железок в кружевах полезно!

– Я вообще боюсь в свет теперь выходить, – откровенно, но не очень громко проговорил Йозеф. – современные кринолины и шлейфы такие длинные, что можно ненароком наступить на подол даме, а это, как вы знаете, недопустимая оплошность и повод для насмешек. Как молодые люди теперь танцуют, ума не приложу? Слава богу, я лишен счастья развлекать дам ради соблюдения этикета. Мне уже можно просто сидеть в стороне и посмеиваться над каверзами новой моды.

Николая явно забавляла эта беседа, ему не было дела до светской жизни, но видимо его гости были вынуждены посещать подобные мероприятия.

Наконец, вопросы моды, фигур, лошадей, корсетов и многой другой светской чепухи были обговорены сполна. И веселая компания перешла в бильярдную комнату. Там им уже никто не докучал и не заходил в двери. Господа разлили вино по бокалам, Йозеф Брунштейн уселся в мягкое зеленое кресло и взял газету в руки. Август-Фредерик Штальский рассматривал новенькое сукно трехметрового бильярда, а Николай в это время снял модный фрак из синей мягкой ткани и остался в светлых брюках, белой рубашке, жилете и галстуке-платке с янтарной брошью в форме лилии. Йозеф опять вернулся к вопросу фигуры:

– Вот для кого вся эта мода! Вам, Николай, плотные ужины не мешают быть обладателем тонкой талии. Да, кстати, если вас не затруднит, не могли бы вы мне протянуть один из шаров со стола, я хотел бы оценить мастерство конкурентов.

Николай передал Брунштейну шар, мастер долго крутил его в руках, после попросил второй и третий, взвесил их на ладони и критично сказал: «Ничего переделывать не нужно». Что значило, шары были прекрасными.

– Могу быть спокойным, – пробурчал Брунштейн. – Лондон без меня не пропадет.

Это звучало достаточно ревниво. Было видно, что старику немного жаль того, что столица без него может с легкостью обойтись. И Николай улыбнулся:

– Вы же теперь заняты чем-то другим, – сказал он, желая все-таки выведать у скрытного гостя правду о его новом занятии.

– Да, да, – снова уходя от ответа, пробурчал Йозеф и погрузился в чтение газеты. Николай его не торопил. Он предложил Штальскому расставить шары на сукне и сделать первый удар. Тот уже снял свой темно-зеленый фрак и «ошейник», как он без большой любви назвал шейный платок. И расстегнув две верхних пуговицы рубашки, начал игру. После первого удара Йозеф воскликнул, вычитав в газете:

– Ну вот, стоит отсутствовать в Англии несколько недель, и уже что-то придумали новенькое!

– Что конкретно вас удивило, сэр? – улыбнулся Николай, зная, что в газетах пишут всё больше и больше о научных открытиях в различных отраслях.

– Ну вот, например, сэр! Наконец-то у нас есть почта! Мы живем в XIX веке, а общаемся, как дикари! Давно было пора иметь свою почтовую связь. Ага, они и марки какие-то придумали! И всё это в рамках государственной монополии, а не частной, значит, ценовая политика устроит всех без исключения, – ликовал Брунштейн. – Это значит, что прогресс дошел до нас!

– Йозеф, – улыбнулся Николай, – позвольте полюбопытствовать, где же вы были всё это время, пока отсутствовали в Англии? Это где же прогресс шагает быстрее, чем в нашем королевстве? Может, на Луне?

Штальского повеселила шутка гостеприимного хозяина дома, и он сделал следующий удар.

– А вот, господа! Взгляните! – тыча пальцем в газету и отпивая из бокала густое красное вино, воскликнул Йозеф. – Они проложат рельсы, по которым идет ток!

– Значит, карет скоро не будет, – пробурчал себе под нос Август-Фредерик, концентрируясь на шарах, раскатившихся после удара по зеленому сукну.

– Так же, как и не будет парусных кораблей, – уже не глядя в газету добавил Брунштейн. – Кстати, хочу вам заметить, что плаванье на них немного раздражает! Уж больно эти пароходы шумные.

– У вас есть опыт путешествий на пароходах? Вы покидали Англию на пароходе? – удивился Николай, уже не ожидая ответа от скрытного Йозефа. Пришла пора делать ему удар, но, не будучи опытным игроком в карамболь, Карильский промахнулся. Очередь снова перешла к Штальскому. Йозеф погрузился в газету и больше ничего не говорил.

Воспользовавшись затянувшейся паузой, Август-Фредерик обратился к хозяину дома:

– Спасибо вам за приглашение, очень приятно, что именно мне доверена честь испробовать первым такой отличный стол для бильярда, как ваш. Но у меня к вам есть дело, вы не подумайте, что я принял ваше приглашение только ради того, чтобы обсудить...

Но Николай не дал ему договорить:

– Господи, да говорите же ради Бога, что за дело. Это нормально, что у вас есть дела! Вы же деловой человек.

– Да, – нерешительно начал Штальский, – как вы знаете, у меня есть сын, и я подыскиваю ему сейчас жилье в приличном районе Лондона. В моей жизни произошло радостное событие, и одна особа ответила мне согласием на предложение руки и сердца. Я вступаю в брак вскоре. Но есть один нюанс. – Фредерик замаялся. – Понимаете, я не могу привести супругу в мое родовое поместье, пока в нем живет мой сын, не привлекая к себе осуждения со стороны общества.

Николай удивился, и на его вопросительный взгляд без слов Штальский с горечью в голосе ответил:

– Моей будущей супруге Сицилии – двадцать пять лет, она вдова, и этот брак будет для нее вторым. Моему сыну двадцать один. И, как на беду, именно сейчас меня часто не бывает дома. Нас обязательно осудят, а поведение назовут аморальным, если в одном доме будет проживать мой сын и моя молодая супруга. Даже то, что в поместье постоянно находится до полусотни слуг, не остановит любителей посплетничать.

– Но ведь Сицилия станет после вашего брака мачехой вашему сыну! – усмехнулся Карильский, берясь снова за кий.

– Вы не представляете, сэр, какое пятно на моей репутации может оставить несоблюдение этикета. А тем более на репутации моей будущей супруги. Надеюсь, вы меня понимаете?

– Понимаю. Но почему вы обратились ко мне? Я ведь не сдаю жилье, как вы знаете.

– Николай, – сказал Август вкрадчиво, вы имеете дом на Street River и, как я понял, устали от суеты и уехали подальше от шумных кварталов. Возможно, вы бы согласились сдать мне этот дом. Вернее, моему сыну, но, конечно же, оплачивать буду его я. Мое слово, как гарантия того, что дом будет сохранен в его лучшем виде, и сумма, какую бы вы ни назвали за аренду, меня устроит.

Николай пожал плечами:

– Я пока еще не знаю. Не думал об этом. Но там ведь нет ни мебели, ни прислуги.

– Это не беда, всё необходимое для моего сына будет куплено, а если вы позволите, то и участки, нуждающиеся в ремонте, мы отделаем за свой счет.

– Я даже не думал, что предложение аренды может быть столь щедрым, конечно же, я согласен. А о каком временном периоде идет речь? На сколько бы вы хотели арендовать дом?

– Надеюсь, аренда будет долгосрочной, – ответил Штальский.

– Ну, тогда по рукам, – улыбнулся Карильский и пожал руку Августу-Фредерику. В этот момент на время забытый Брунштейн чихнул в своем кресле и отвлек внимание Николая и Августа-Фредерика на себя.

– Я, конечно, не советчик, в этих тонких семейных делах, но у вас, сэр, – сказал Йозеф, – также растет дочь!

– Ну и что же? – удивился Николай.

– А то, что вы не можете с ней находиться под одной крышей, не бросая тени на свою и ее репутацию.

– Что за чушь?! – воскликнул Николай.

– Это не чушь, а этикет, – возразил Йозеф, подняв палец левой руки вверх. И добавил: – Но, сэр, могу вам сказать, что проще решить вашу проблему, чем проблему Августа-Фреде-

рика. Пусть леди Лидия возвращается из пансиона с компаньонкой, и тогда никаких вопросов к вашей персоне у зорких сплетников не останется.

Николай чертыхнулся, он не любил чужих людей в доме, тем более теперь, когда, казалось бы, в новом особняке он мог отдохнуть от незваных гостей.

– Что еще пишут в газетах? – поинтересовался Штальский, чтобы увести разговор в другое русло.

– Да вот, господа, – утирая нос платком после чихания, задумчиво проговорил Брунштейн, – в Америке назревает война.

– Да ну? – удивился Штальский. – Я не читал такого.

– Да нет в этой газете ничего про войну, я ее просматривал утром, – сказал Николай, недовольный тем, что его друг сгущает краски. – В мире и так беспокойно, только разрешился вопрос с работорговлей в Старом Свете, не все еще забыли Наполеона, а вы не боитесь говорить о новой войне.

– Это, дорогой мой, вы не так читали, – твердо заявил Брунштейн.

– О чем же там пишут? – поинтересовался Штальский.

– О том, что плантаторы зверствуют, убивают рабов. И вот про восстание рабов, подавленное в Южной Каролине. Убит плантатор с семьей. – Брунштейн был очень серьезен.

– Да, но ведь ничего о войне, – произнес Николай.

– Конечно, ничего, но она будет, помяните мое слово, скажут, что это война освободительная, против рабства, против насилия и за равенство прав белых и черных. Скажут, и все поверят! Вот, как нас к этому готовят! – и он зло потряс газетой. – А ведь все войны – это просто незаметное для людей решение экономических вопросов власти. Рано или поздно правительство Америки будет вынуждено принять закон об отмене рабства, но, судя по всему, это произойдет в результате войны. Столкнут лбами Север и Юг. Если бы власти хотели жизни для своих людей и равенства, они бы такими статейками не будоражили и так воспаленный ум граждан, – и Брунштейн потряс газетой над головой снова.

– Йозеф, вы слишком близко к сердцу принимаете это дело, тем более не ваше! – сказал Николай, делая удар по шару и не понимая, почему так разволновался его гость.

– Тем более непонятно, откуда такое человеколюбие, учитывая тот факт, что вы непосредственно решаете свои финансовые вопросы за счет жизней других людей, – немного понизив голос, но не осуждая Брунштейна, произнес Штальский.

– Ничего не понимаю, господа, потрудитесь объяснить мне, о чем идет речь! – не выдержал Николай и сел на край бильярдного стола. В одной руке он держал перед собой кий, другой поправлял черные кудри, сбившиеся на лбу. В ответ на это Йозеф отложил газету и откинулся в кресле, Август-Фредерик расположился на глубоком и мягком диване, и гости переглянулись. Было видно, что разговор предстоит долгий, и явно начнется не спонтанно, его задумали загодя двое гостей Николая Карильского. Штальский вслед за Николаем пригладил волосы, но не столь пышную гриву, как у хозяина дома, а редкие кудряшки, аккуратно уложенные на макушке, вслед за ним руку поднял Йозеф, но отдернул ее, так как на его голове волос не было.

– Мой друг, – начал Штальский, – как вам известно, я очень давно вложил деньги в фабрики. Они приносят хороший доход и по сей день. Несколько месяцев назад я узнал от старого знакомого Брунштейна о том, что он желает продать некоторое количество драгоценностей.

– Я думал, у вас фабрики, специализирующиеся на производстве обуви? – улыбнулся Николай.

– Да, да, так оно и есть. Но от моей покойной супруги мне остался небольшой цех по огранке драгоценных камней. Цех был мал, когда моя Элен скончалась. Скорее всего, это предприятие больше походило на амбар, в котором работали ювелиры. Теперь это цех с

электрическим освещением и прекрасным ремонтом, он не холодный! Я оснастил его паровым отоплением.

– Но налоги, мистер, вы как не платили, так и не платите! – сказал из своего кресла Брунштейн.

– Это верно, – покачав головой, подтвердил Штальский, – как не платил, так и не плачу. Вот ко мне и обратился мой старый знакомый Йозеф. Как я мог ему отказать? Я, конечно же, оценил его камни, а потом выяснилось, что у него их немного больше, чем я мог ожидать. Я выкупил всё, что у него было и поверьте, эти камни теперь украшают не только богатых людей нашего города, но и коронованных особ! Я удивлен даже, какое совпадение. Раньше августейшие особы не покупали так много! Как только у меня появились камни Йозефа, так у королевы Виктории появились деньги! – Штальский был этому искренне удивлен.

Николай и Йозеф переглянулись, и улыбка проскользнула по их губам. Этих взглядов Август-Фредерик не заметил и продолжил.

– Так вот. Мои дела пошли в гору, и я на прошлой неделе купил небольшую шахту для добычи угля. Теперь с наличием паровых двигателей это очень выгодно.

– Вы купили шахту, чтобы отапливать ювелирный цех? – поинтересовался Николай, подозревая, что это только начало увлекательной истории, в которой замешаны эти двое.

– Нет, нет, что вы. Паровые двигатели используются во многих отраслях. Вот, например, пароходостроении. Поверьте, это очень выгодно иметь угольную шахту, конечно, в ней многое нужно усовершенствовать: поставить насос для откачки воды, проложить рельсы. На это уйдут огромные деньги, но дело того стоит!

«Ага», – подумал Николай. – «Вот оно! Мы добрались до вопроса денег.» Но к его удивлению Август-Фредерик займы не попросил, а продолжил свой рассказ.

– Поймите, Николай, – сказал он, – такой век, как наш, век развития и прогресса, дает нам возможность вкладывать деньги почти беспроигрышно. И вот недавно мой хороший знакомый и дальний родственник предложил мне отличное дельце.

– Я слушаю, – сказал Николай, начиная болтать ногами, сидя на бильярдном столе и показывая всем своим видом гостям, что ему, конечно, любопытно их слушать, но он ни копейки в эти дела вкладывать не собирается, ведь ему и так денег хватает.

Заметив шутовское настроение хозяина дома, вступил в разговор более серьезный Йозеф.

– Николай, – сказал он, – Август купил шахту, чтобы снабжать углем мой пароход.

– У вас есть пароход? – удивился Николай.

– Да, – без особого удовольствия пробурчал Йозеф, – я стал акционером Ост-Индской компании. Хочу вам сразу раскрыть карты. То, что я вам скажу, мало кому известно, да и вам не стоит по этому поводу распространяться, об этом не пишут в газетах и не кричат на улицах. Во-первых, я вложил деньги в опиумную компанию.

– В какую? – переспросил Николай, и в его голове начали всплывать отрывки из газет про это вещество для обезболивания. – Из него получают морфий, если мне не изменяет память? Я рад за вас! Очень благородное дело! Вкладывать деньги в медицину и ее развитие – это же прекрасно!

И Николай почти вскочил со стола, чтобы пожать руку своему другу. Но тот его остановил:

– Сэр, – усмехнулся Йозеф, – если бы я вкладывал в медицину, я бы разорился, а не купил пароход. Британская Ост-Индская компания монополизировала промышленное производство опия в Бенгалии, части Британской колонии – Индии. Именно там производится самый высококачественный опиум. Членами и акционерами этой компании изначально стали первые лица Британской империи – лорды-пэры. Именно они и начали формировать в Китае наркоцивилизацию. Вам известно, что в Китае была опиумная война?

– Нет, сэр, – развел руками Николай. Он выглядел как ученик, не выучивший урок, перед строгим учителем.

– Август, – переведя взгляд с одного гостя на другого, спросил Николай, – так вы тоже имеете акции Ост-Индской компании?

– Ну конечно! Это же беспроектный вариант, как вы понимаете.

Штальский встал с глубокого дивана и сказал растерянному и немного смущенному Николаю:

– Да, вы правы, изначально очень тяжело принять то, что от нас скрывают. Но, к сожалению, только так можно сохранить и приумножить капитал, последовать примеру правительства, если есть возможность. Пока ты с ними в одном седле, о прибылях не стоит волноваться. Сильные мира сего, никогда не вложат своих денег в убыточное предприятие. Но зная заранее, что вы вряд ли согласитесь на занятие такими делами, мы хотим вам предложить нечто особенное и очень увлекательное, по крайней мере, мне так кажется.

– Угу, – поддакнул недовольно Йозеф, – очень увлекательное.

После трехмесячного отсутствия в городе он был немного удручен и постоянно подкатывал губы, как будто был вечно недоволен.

– Я слушаю вас, господа, – поостудив чувство радости от встречи сказал Николай и пересел в кресло напротив своих собеседников.

– Мне, – начал Штальский, – как я уже говорил, друг предложил одно дело, очень выгодное, но ехать далековато.

– Какое дело? – серьезно спросил Николай.

– Выгодное, но требующее вложений, а на данный момент, как вы понимаете, после приобретения шахты у меня свободных денег нет, как их нет и у моего друга Брунштейна после приобретения парохода.

Йозеф утвердительно кивнул.

– Если бы мне сначала предложили это дело, я бы никогда не купил этот пароход, – добавил Брунштейн.

– Что за дело? – уже без сантиментов поинтересовался Карильский.

– Мой друг губернатор Британской Гвианы, – начал Август-Фредерик, – это государство находится на самом севере в Южной Америке, приглашает меня в гости. После отмены рабства губернатор пытается развить в стране добычу угля, но для этого нужны большие средства, вот я и предлагаю вам, сэр, со всем уважением, поехать в гости к моему другу, а уж там определиться, согласны вы на это вложение или нет.

– Я обещаю завтра вам дать ответ, но больше чем уверен, он будет отрицательным, – ответил Николай.

– Сэр, – заговорил Йозеф, – перед вами прекрасная возможность увидеть мир, а не сидеть дома. Пока Лидия обучается в пансионе, вы бы могли развеяться и покататься по миру. Вы же сами хотели отправиться в кругосветное путешествие недавно, это прекрасная возможность, как мне кажется, утолить жажду путешествий. Я, кстати, вам за полцены предлагаю свой новейший пароход с винтовой системой. Пройдет максимум две недели, и вы пересечете Атлантику. Сможете увидеть из окна каюты другую сторону океана в порту Джорджтаун.

– А вы, Йозеф? Не составите нам компанию? – спросил Николай.

– Увы, сэр, я слишком занят, – развел руками Брунштейн.

Но Август-Фредерик Штальский громко заверил Николая:

– Сэр, мы прекрасно проведем время в плаванье. Конечно, очень жаль, что Йозеф не может ехать с нами. Но мой родственник и друг Джеймс Кармайкл Смит, я гарантирую вам, отличный человек, и насколько это возможно, постарается заменить вам недостающее в тех местах лондонское общество. Он будет рад нам, поверьте.

На этих словах разговор был закончен. Гости спустились вниз, Матэо помог одеться господам, и хозяин попрощался с Брунштейном и Штальским.

Николай остался наедине со своими мыслями. Ему казалось, что Йозеф что-то недоговаривает и знает явно больше Августа-Фредерика. Но что именно, Карильский пока не знал. «Это, конечно же, скоро выяснится», – думал он, – «конечно же»!

В гостиной две немки заканчивали убирать приборы со стола после роскошного ужина, старый Жак шел закрывать ворота в саду, перед входными дверями у дома появился пес Бродяга. Свежий воздух ему шел на пользу, пес немного похудел и выглядел очень довольным жизнью.

– Ну что? – спросил у собаки Николай, выйдя на порог дома, – скучаешь по Лидии? – и потрепал пса за лохматое ухо.

Собака завиляла хвостом, легла на ступеньки, положила голову на лапы, мерно засопела, но глаза не закрыла.

– И я скучаю, – тихо произнес Николай.

Еще немного постояв на свежем воздухе, он отправился в дом. Постель была приготовлена, но спать он еще не хотел. В окно застучали капли мелкого весеннего дождя, старый Жак завел Бродягу в дом. Карильский зашел в свой кабинет и его взгляд упал на старинный столик, как обычно на нем лежала вся непрочитанная корреспонденция. За последнее время бумаг скопилось больше обычного. Николай совершенно не уделял времени переписке в связи с переездом. Он смахнул все скопившееся письма на пол одним движением, и увидел старинный рисунок на столешнице – карту мира, изображавший землю еще до открытия Америки Колумбом.

– Что для меня Америка? – подумал Николай. – Пустое место? Новый Свет? А ведь есть возможность открыть его для себя! Прекрасная возможность! Переплыть через Атлантический океан, увидеть мир. Да, наверное, нужно нарисовать в своей жизни этот континент.

Николай после некоторых раздумий дернул за бархатный шнурок, предназначенный для вызова прислуги, и присел в кресло, стоящее у секретера. Вскоре в кабинет вошел Матэо.

– Возможно, – начал Карильский, – мы уедем из Лондона, возможно, надолго. Я еще не принял окончательного решения, но нужно будет, чтобы ты завтра проведаль нашего старого знакомого Ханса Янсона. Привези его ко мне, думаю, он тебя помнит. А ты, в свою очередь, я надеюсь, не забыл его адрес?

– Да, сэр, я помню адрес пожилого мастера оружейных дел, – ответил Матэо, не задавая лишних вопросов. И оставил хозяина, выйдя за двери.

На следующий день с самого утра слуга отправился в сердце старого города и отсутствовал до полудня. Ровно в полдень под бой часов он зашел в парковый дом, а рядом с ним топтался чумазый парень в обносках. Николай пил чай в гостиной. Открылась дверь, и слуга ввел с собой молодого человека.

– Кто это? – на испанском спросил Николай.

– Сын вашего знакомого, это его когда-то отец спасал из рук бандита Мигеля Алонсо. Парня зовут Каис Янсон. Его отец недавно скончался. Если молодой человек не будет вам полезен, я отдам ему шиллинг, ради которого он шел сюда, и парень уйдет.

– Хорошо, Матэо, подожди немного, я сейчас решу, что делать.

И Николай обратился к сыну ныне покойного мастера оружейных дел:

– Твой отец когда-то продал мне очень красивую вещь, я хотел бы купить еще что-то в этом роде. Старинное и дорогое, хочу сделать подарок одному знатному человеку, именно для этого ты здесь. Скажи, есть ли у тебя что-то, что могло бы заинтересовать меня?

– Нет, сэр, – ответил Каис Янсон.

– Жаль, ну что ж, иди к Матэо, он отблагодарит тебя за твой приход ко мне.

Но Каис не ушел. Он поднял глаза на хозяина большого дома, пившего чай в полдень в халате из зеленого бархата, и сказал:

– У меня есть кое-что получше. Но стоит дорого!

– Что же это? – поинтересовался Николай.

– Это то, из-за чего я попал в руки Мигеля Алонсо! Я хотел украсть у него самую новую модель оружия и принести отцу в подарок, но люди Алонсо меня схватили и потребовали выкуп у отца. Однако оружие я все-таки успел стащить! – гордо заявил перепачканный юноша.

– И что же это за оружие? – любопытно спросил Николай, впрочем, не желая покупать краденое, даже если оно было украдено у бандита и разбойника.

– Это, сэр, – сказал Каис, – винтовка со скользящим затвором, у нее нет шомпола и штыка, как у штуцера. Пока еще я не видел у наших военных такого оружия. Это самая что ни на есть, новинка!

– Как же тебе удалось ее вынести из дома Алонсо?

– Я работал у него на конюшнях, а потом, когда увидел это оружие, понял, что не успокоюсь, пока не подарю эту чудесную винтовку отцу. Вот и стащил. После того, как мне удалось ее вынести из дома, спрятал в сене на конюшне, а поздно вечером, когда не светила ни луна, ни фонари, вынес ее из владений Мигеля Алонсо. Больше я на работу не ходил, и меня вычислили и схватили. Потребовали выкуп у отца, но оружие я им не отдал, сказал, что выкинул в реку. Думаю, они мне не поверили. За мной еще долго следили, но так ничего и не нашли. Вам, сэр, я скажу, где оно лежит, но заплатите мне вперед, пожалуйста.

Николай задумался, зачем ему неприятности, возможно ли будет вывести такое оружие из страны и стоит ли вообще платить деньги такому парню, как этот воришка? Поощрять воров было не в правилах Николая.

– Я подумаю, – сказал Карильский, заканчивая чаепитие. – Если ты хочешь продать его, назови цену.

– Пятьсот фунтов, – тихо пролепетал Каис.

– Пятьсот?! – удивленно и громко повторил Николай и привстал с кресла.

Каис немного вжал голову и согнул спину:

– Двести, сэр, двести. Но не меньше, прошу, это же грабеж!

– Где спрятана винтовка?

– А деньги? – заискивающе произнес Каис.

– Получишь, но сначала я должен видеть оружие.

– Хорошо, – наклонил голову юноша, – пойдете. Я вас прошу, возьмите экипаж, винтовка длинная, нам не скрыть ее под одеждой.

Матэо восседал на облучке, рядом с ним скрючился подпрыгивающий на каждой кочке худосочный Каис Янсон, в карете сидел сам Николай, ожидая прибытия в указанное Каисом место, где хранилось оружие. Проехали квартал Дубов, свернули на Парковые аллеи, после за окном замелькали уродливые домишки квартала Алхимиков, Дворы Розовых Лилий пронеслись в окне кареты (так назывались казармы военных низших чинов). Карета скользила мимо улиц прачек, увешанных простынями, и выглядели эти простыни, как паруса на корабле, развеваемые ветром. Начались кварталы индийский, латинский, каждый из них отличался своей неповторимой экзотической архитектурой. В испанском квартале карета остановилась. Каис соскочил с облучка, быстро порылся за стеной какого-то сарая и нырнул внутрь кареты с оружием, даже не завернутым в тряпку.

– Вот, – сказал он, потев от страха, и передал винтовку в руки хозяину кареты.

– Трогай, Матэо! – крикнул Николай.

Карета двинулась с места. Оба: и продавец, и покупатель – разглядывали с интересом винтовку, немного запыленную, но тем не менее очень прилично сохранившуюся. Кариль-

ский протянул деньги испуганному юноше, не вызывающему у него ни чувства жалости, ни сочувствия, только призрение и отвращение. Получив деньги, Каис покинул карету с гербами на торговой площади. После Карильский велел Матэо ехать в мастерскую к Брунштейну и там передал мастеру винтовку новейшей модели. Йозеф захлопал в ладоши:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.